

Александр Миахйлович Сидоркин

Университет Северного Колорадо

Факультет ненужных вещей: Смысл и основная проблема образования

Для того чтобы понять, что такое образование, проведем мысленный эксперимент. Давайте представим себе, что на крышу обычной школы приземлилась летающая тарелка с маленькими зелененькими человечками. Она прибыла с целью изучения человеческого общества, и уже успели посетить ряд других организаций: заводы, НИИ, театры, т.д. Заметим, что Е.Т. не имеют никакого понятия об образовании, поскольку они рождаются вполне выросшими и с полностью сформированным набором знаний и воспоминаний унаследованным от родителей. Что же они наблюдают с крыши школы? В окончательный рапорт экспедиции вошло следующее заключение: школа представляет собой чрезвычайно многопрофильную производственную структуру. Сотрудники ее производят следующую продукцию: картины, швабры, математические расчеты, рассказы, стихотворения. Они так же предпринимают научные изыскания различного рода, от анатомического вскрытия лягушек до химических экспериментов. Сотрудники школы устраивают спектакли, концерты и представления. Как и в других организациях, наблюдается четкое разделение между работниками и управляющими. По неясным причинам управляющие чаще бывают покрупнее, чем работники.

Рапорт заканчивается загадкой, которую команда так и не смогла разрешить. Поскольку известно, что земляне повсеместно полагаются на обмен товарами и услугами, остается непонятным, почему все товары производимые в школе отправляются напрямую в мусорные свалки. Грузовые машины привозят в школу книги, различные материалы, пищу, но единственное что вывозится из этого странного предприятия—это мусор. Более того, большинство развлекательной продукции которую производит школа почти не посещается никем из посторонних. Совершенно непонятна цель организации производства, продукция которого отправляется прямо на свалку, не включаясь в экономические механизмы обмена. И последняя заметка главного этнографа экспедиции: «Работать в течение многих лет на мусорную корзину должно быть ужасным наказанием».

Понять сущность образования можно лишь отвлекшись от того автоматического смысла, который мы вкладываем в это понятие. Для непосвященного взгляда единственной разницей между школой и заводом будет то, что завод поставляет свою продукцию другим, а школа выбрасывает свою продукцию на свалку. Давайте пока определим учение как работу по производству ненужных вещей, а образование как сферу господства такой работы. Пока это определение выглядит абсурдным, но есть два очень серьезных обстоятельства, которые надо учитывать прежде чем обвинять автора в абсурдности. Меня интересуют две предпосылки: (1) образование надо рассматривать, прежде всего, как специальный вид деятельности самого ученика, и (2) полезно рассмотреть судьбу материальных продуктов этой деятельности.

Что касается первой предпосылки, то я здесь в очень хорошей компании. Карл Маркс, Джон Дьюи, Лев Выготский и Алексей Леонтьев—все эти и многие другие теоретики в той или иной форме утверждали, что человек учится и воспитывается в процессе своей деятельности. Только что-то делая, преобразуя мир, человек меняет и развивает сам себя. Конечно, он это делает не один, а со взрослыми, с другими людьми, которые прямо или косвенно всегда сотрудничают с ним. Но, тем не менее, собственная активность обучающегося необходима. Образование как общественная сфера твердо покоится на труде детей. Конечно же, педагоги тоже участвуют в этом процессе. Тем не менее, на каждый час затраченного учителем рабочего времени приходится около 20-30 часов рабочего времени детей. И те, и другие иногда не слишком интенсивно работают, отвлекаются и делают ошибки, но все время потраченное на то, что не доставляет непосредственного удовольствия, есть рабочее время, а не время отдыха.

Вторая предпосылка требует несколько более серьезной защиты. Вещи, которые производят дети, ведут жалкое, незаметное существование, как в жизни, так и на страницах педагогических книг. Никто не желает обращать внимания на доклады о повадках пауков, контрольные работы по квадратным уравнениям, и тетрадки с размышлениями об Онегине. Все мы понимаем, что сами по себе все эти объекты не представляют никакой ценности; они нужны лишь ученику, чтобы тренироваться, и учителю, чтобы оценить знания и умения. Каждый учитель, конечно, испытывает некоторую неловкость, когда приходится выбрасывать детские работы, ведь в них воплощен труд, творчество, усилие воли ребенка. Учителя рисования стараются переложить эту неприятную обязанность на плечи родителей, дескать, повесьте дома на стену. Хотя при этом понимают прекрасно, что рано или поздно рисунок пойдет в утиль. Некоторая неловкость здесь не случайна, и многое объясняет в загадочном мире образования. Если мы говорим о деятельности ученика, то как же можно игнорировать судьбу продуктов этой деятельности?

На полях *Немецкой Идеологии* Маркс написал о двух сторонах человеческой деятельности: обработке (*Bearbeitung*) природы людьми и обработке людей людьми.¹ Каждая деятельность включает в себя эти две стороны—человек изменяет какой-то объект, и в то же время изменяет себя (или, скорее, изменяется другими людьми через усвоение социально выработанных норм деятельности). Назовем эти две стороны любой деятельности продуктивной и образовательной. Две указанные стороны присутствуют в очень разных пропорциях. Рабочий, который штампует ту же самую деталь в тысячный раз, добавляет очень немного к своим умениям штамповщика—но прибавка все-таки есть, пусть и мизерная. Первоклассник, который рисует стройный ряд палочек в своей первой тетрадь, не производит абсолютно ничего, что имело бы какую-то ценность, то есть продуктивная сторона его деятельности стремится к нулю. Но существует и целый ряд промежуточных видов деятельности, где и образовательная и продуктивная стороны присутствуют в более или менее равной степени. Например, когда рабочий только начинал осваивать новую деталь, брак мог составлять половину всех деталей. Никто естественно, не отрицает, что бракованные детали в каком-то смысле

---

¹ Bisher haben wir hauptsächlich nur die eine Seite der menschlichen Tätigkeit, die *Bearbeitung der Natur* durch die Menschen betrachtet. Die andere Seite, die *Bearbeitung der Menschen* durch die Menschen... Karl Marx, *Die deutsche Ideologie*, http://www.mlwerke.de/me/me03/me03_ann.htm#M1

нужны, хотя они и не имеют утилитарной ценности. Его работа в данном случае находится в промежуточном положении между миром производительной деятельности и миром образования.

Хочу еще раз подчеркнуть, что работа детей и работа взрослых суть две ипостаси того же самого производственного процесса. Бумажный самолетик, сделанный школьником есть всего лишь часть брака который нужно произвести прежде чем этот же самый выросший ребенок будет допущен к производству настоящих самолетов. Единственная разница между двумя случаями состоит в том, что связь между бракованной и удачной деталями очевидна и для штамповщика и для его мастера. Связь же между бумажным самолетиком и Боингом 777 совершенно неочевидна для школьника. С его точки зрения, школьный труд есть производство ненужных вещей. Все что производит школьник, не имеет никакой потребительной стоимости ни для него самого, ни для кого-либо другого. Этот факт очевиден настолько, что остается мало замеченным. Тем не менее, неутилитарность продуктов образовательной деятельности очень многое объясняет в современном образовании—прежде всего, нежелание детей учиться.

Почему большинство детей не хочет учиться в школе? Почти все известные мне педагоги воспринимают нежелание детей учиться в школе как что-то случайное, несущественное, как проблему плохого преподавания или плохой организации жизни школы. Мне же представляется очевидным иное объяснение: дети не хотят учиться, потому что учеба есть многолетний подневольный труд, продукты которого никому *очевидно* не нужны. Важно не столько то, что детский труд в школе никак не компенсируется, сколько то, что его конкретные продукты никем не используются. Это создает специфическую форму отчуждения человека от продукта своего труда. Таким образом, нежелание учиться есть не столько симптом болезни, сколько индикатор глубинной сущности образования, его необходимый и существенный компонент. Назовем его основной проблемой образования.

Основная проблема образования есть проблема мотивации, но не в психологическом, а скорее, в экономическом смысле. С точки зрения психологии, почти всем совершенно очевидно, что каждый здоровый ребенок при определенных условиях может успешно учиться и быть прекрасно воспитан. Это совершенно не означает что школа как конкретная социальная форма может обеспечить такой уровень мотивации.

История педагогики знает немало попыток преодоления основной проблемы образования. Одна из самых серьезных была предпринята школой прогрессивизма,² представленной на Западе Дьюи, Килпатриком и Монтессори, а в России Шацким, Крупской и Макаренко. Прогрессивизм по-новому представил тезис Руссо о соответствии образования интересам самого ребенка. Дьюи не был сторонником свободного воспитания, но он подчеркивал, что образовательная деятельность детей должна иметь конкретные, осмысленные цели, что продукты этой деятельности должны иметь действительную социальную ценность (т.е. использоваться). Эта традиция породила очень широкий круг последователей,

---

² Подробнее о прогрессивизме см. Вендровская Р.Б. «Прогрессивизм в США 20-30-х гг. XX в» // *Педагогика*.- 2003.- № 5.- С. 85-90; Макаев, Вячеслав Владимирович, Еловой, Юрий Иванович *Прагматическая педагогика Дж. Дьюи и современность*.- Пятигорск : Изд-во ПГПИИЯ, 1993; Рогачева Е. Педагогический эксперимент Джона Дьюи и его значение для будущих учителей, [1859-1952 гг.] // *История педагогики как учебный предмет*.- М.,1995.- С. 143-153.

нашедших великое множество способов сделать школьный труд ребенка более интересным. Было бы безумием утверждать, что такие блестящие продолжатели прогрессивизма как американские конструктивисты или российские педагоги-новаторы ничего не сделали для повышения мотивации учения. Действительно, находок очень много, и учение можно сделать увлекательным. Но здесь есть определенные пределы, и меня в данной работе интересуют именно пределы.

Общий закон пределов образовательной мотивации можно представить, перефразируя известные слова Американского шоумена 19 века Финеаса Барнума (Phineas T. Barnum)³: Можно увлечь учебной некоторыми детьми все время, или всех детей некоторое время, но нельзя все время увлекать учебной всех детей. Конечно же, все учителя хранят в памяти те моменты, когда их ученики были увлечены какой-то учебной работой так, что забывали и о том, что результаты этой работы окажутся не нужны, и о том, что им никто не платит за работу. Сам процесс был увлекателен. Но часто делают логическую ошибку, считая что если какая-то ситуация осуществима, то она может быть осуществлена постоянно. На самом же деле за столетие прогрессивистских экспериментов никто и никогда не продемонстрировал, что весь учебно-воспитательный процесс можно уложить в систему внутренне мотивированных, полезных потоков деятельности.

Один простой аргумент доказывает существование вышеупомянутого закона: если все образование построить на полезной деятельности, то оно перестанет быть образованием. Как мы уже установили, всякая деятельность имеет образовательный аспект. Однако лишь те формы деятельности, в которых данный аспект явно преобладает над продуктивным, можно отнести к сфере образования. Образовательная деятельность есть лишь один из аспектов разделения труда. Представим себе некую доисторическую гончарную мастерскую, в которой подмастерья напрямую включены в производство. С точки зрения мотивации, такая организация работает просто великолепно: подмастерья видят прямую, непосредственную связь между их учебной работой и теми полезными горшками, которые они будут делать. Однако с точки зрения производства, мастерская очень проблематична, поскольку процент бракованных горшков слишком велик, а производительность труда мастеров низка, поскольку им приходится все время отвлекаться на подмастерьев. Совершенно логичным решением в этой ситуации было бы строительство отдельной, учебной мастерской. Еще раз повторим, что в общем производственном процессе изготовление бракованных горшков есть совершенно необходимый компонент. Однако законы разделения труда требуют, чтобы одна мастерская *специализировалась* на производстве бракованных горшков, с тем, чтобы другая мастерская могла гораздо более производительно специализироваться на пригодных горшках. Этот момент разделения двух мастерских можно считать моментом рождения образования как социальной сферы.

Дальнейший прогресс образования упирается в существенную проблему. Если в прежние времена фундаментальная немотивированность образовательного труда преодолевалась за счет простого отбора учащихся, то в эпоху массовизации школы такой метод перестает работать. Прогрессивистские подходы к сожалению, не показали своей эффективности:

---

³ Эта фраза часто ошибочно приписывается Эйбрахаму Линкольну: Можно обманывать некоторых людей все время, или всех людей некоторое время, но нельзя все время обманывать всех людей, <http://www.worldofquotes.com/author/Phineas-T.-Barnum/1/>.

школу невозможно сделать увлекательной и интересной для всех детей, так же как нельзя изобрести вечный двигатель. Это так, потому что логика разделения труда сделала образовательную деятельность детей непроизводительной и следовательно, исключенной из отношений обмена. Принципиальное решение заключается в том, что правительства постепенно придут к мысли о том, что труд детей в школах (как учебный, так и воспитательный) должен оплачиваться государством. Мысль о том, что дети должны получать зарплату за то, что они ходят в школу может показаться смешной и даже кощунственной. Уж очень много и как-то настойчиво убеждаем мы детей, что учеба – для их же пользы. Но почему же людей надо так сильно убеждать в их собственной выгоде, и даже заставлять их с милицией ходить в школу? Что-то здесь не так, и скорее всего, польза от образования для общества намного превышает индивидуальную пользу для каждого ученика.

Кстати об оплате учебного труда. Мексика и Бразилия имеют очень успешные программы (Progesa и Bolsa Escola соответственно) по финансовой поддержке бедных семей, дети которых ходят в школу.⁴ Детский труд есть детский труд, происходит ли он в поле или в классе. И если его не оплачивать, то он теряет экономический смысл.

---

⁴ См. например Cristovam Buarque, *Bolsa Escola: Bridging Two Worlds*, <http://siteresources.worldbank.org/INTCL/Resources/SpectrumBolsaEscola.pdf>